

Глава 34. Прощание

Подпись на золотом пере, оставленная отправителем, гласила: «Ую-чжан-лаодао». Имя звучало дерзко, с явным привкусом вольного затворничества.

«Ую-чжан-лаодао?»

Линь И прокрутил перо между пальцами. От него исходила густая, чистая духовная энергия. Почувствовав её, он ощутил, что мощь этого таинственного даоса едва ли уступает его собственной — они были на равных.

Линь И перебрал в памяти все связи Тяньвай-чжэньжэнь, но так и не смог вспомнить никого, кто был бы настолько близок к великому старейшине. В оригинальном романе это имя тоже не упоминалось ни разу.

Неизвестность. Очередная слепая зона.

Линь И тихо вздохнул и убрал перо. Помедлив мгновение, он обернулся к стоящему позади Сюаньюань Куню.

— На горе Цанлу объявились демонические заклинатели, — заговорил он. — Я хочу, чтобы ты отправился туда. Что скажешь?

Кунь опустил взгляд. Казалось, эта новость не стала для него неожиданностью.

— Десять лет на горе Бутянь дали мне силу, но не дали истинного мужества, — ровно ответил юноша. — Учитель хочет, чтобы я спустился вниз и прошёл через испытания.

Всё было именно так, как он сказал. За те десять лет, что они провели здесь, Сюаньюань Кунь достиг невероятных высот в техниках, но тепличные условия школы превращали его в затворника. Без реальных битв и опасностей его развитие стало бы подобно взгляду лягушки со дна колодца: небо кажется огромным, но мир ограничивается каменными стенами.

Линь И принял решение. Он больше не станет направлять судьбу Куня железной рукой. Отныне всё, что встретится юноше на пути, — и горе, и радость, — станет плодом его собственной удачи.

Будущее туманно, но именно в этом и кроется его прелесть. Линь И поднялся. Когда он заложил руки за спину, полы его серебристых одежд наполнили комнату мягким, неземным сиянием. Он долго молчал, всматриваясь в пустоту, а затем снова повернулся к ученику:

— Сюаньюань Кунь, ты когда-нибудь задумывался о том, каким человеком хочешь стать?

Белые одежды лишь подчёркивали ту глубокую, необъяснимую серьёзность, что исходила от Куня. Он посмотрел на учителя и едва заметно улыбнулся.

— Конечно. Я хочу стать тем, кем вы мечтаете меня видеть.

Линь И замер.

В груди потеплело. Ответ ученика был полон искренней признательности, Линь И почувствовал, как в сердце разливается что-то сладкое. Значит, тот мальчик в магическом строю Водного Зеркала никуда не исчез... Несмотря на все эти годы нарочитой холодности и дистанции, он не стал чужим.

Линь И покачал головой, скрывая улыбку за напускной строгостью.

— Чужие амбиции и личные капризы не должны определять твою жизнь. Я хочу, чтобы ты нашёл собственный путь, прислушался к своему сердцу.

Взгляд Сюаньюань Куня был неподвижен. Он давно достиг пика в прошлой жизни, познал суету человеческих сердец и пустоту амбиций. Его нынешние желания было трудно облечь в слова, но, видя надежду в глазах Линь И, он понимал: учитель всё ещё ждёт, когда он станет тем самым «величайшим мастером Линсяо».

— Учитель действительно этого хочет? — спросил Кунь.

Линь И нахмурился, удивлённый его недоверием:

— Стал бы я шутить твоей жизнью?

— Учитель... а что, если моё истинное желание... вовсе не обрадует вас? — Лицо юноши стало непривычно серьёзным.

Линь И больше всего боялся именно этого — что избыточная опека лишит Сюаньюань Куня собственного «я». Он подошёл ближе и ободряюще положил руку на плечо ученика. Если птенец не сразится с бурей, он никогда не станет орлом, способным пронзить облака.

— Если будешь счастлив ты, буду счастлив и я. Важно лишь то, что думаешь ты сам.

Линь И легонько сжал его плечо.

— Я обещал оберегать тебя, но это не значит, что я хочу превратить тебя в безвольную куклу. Если в твоём сердце горит огонь — иди и покоряй этот мир!

Он сделал паузу и добавил:

— До тех пор, пока ты не творишь беззакония и не идёшь против совести, я поддержу тебя в любом начинании.

Кунь промолчал, продолжая пристально смотреть на Линь И. Тот отвёл взгляд, не выдержав этого пронзительного, почти осязаемого взгляда. Линь И раскрыл ладонь, и в ней материализовались три белые жемчужины размером с ноготь.

— В этих жемчужинах — часть моего сознания. Размести их в разных местах. Если столкнёшься с опасностью, с которой не сможешь совладать — разбей одну.

— Жемчужины духовной сущности? — Кунь вздрогнул, и в его глазах отразилось недоумение.
— Одна такая бусина стоит столетия совершенствования... Учитель, не нужно так растрачиваться ради меня.

Линь И, не терпя возражений, силой вложил жемчужины в его ладонь.

— Даже у самой мощной магии связи есть способы блокировки. Я хочу, чтобы ты ценил свою жизнь. Моё сознание связано с моим телом напрямую, никакое заклятие не сможет помешать мне прийти. Если случится беда — решай сам, когда их использовать.

— Учитель... — Кунь попытался вернуть дар.

Линь И разгневался.

— Всего лишь сотня лет совершенствования! Разве она важнее твоей жизни? О какой «растрате» ты вообще говоришь?

Сюаньюань Кунь замер. Затем он вдруг улыбнулся и, приподняв руку, резко притянул Линь И к себе. Тот не успел опомниться, как оказался в крепких объятиях. Сердце Линь И пустилось вскачь, когда самого уха коснулось жаркое дыхание:

— Учитель не знает... что сейчас и вправду есть одно место, которое я мечтаю покорить. И как бы опасно это ни было, я не откажусь от своего желания.

Объятия были слишком тесными. Линь И не видел лица ученика, но жар, исходивший от него, казалось, готов был испепелить их обоих. Он машинально попытался отстраниться и пробормотал:

— Что это за место? Сокровищница?

Кунь разжал руки, не давая Линь И опомниться. Он спрятал жемчужины духовной сущности в складках одежд с величайшей осторожностью, словно самую дорогую святыню.

— Благодарю, учитель.

Дыхание было слишком горячим, объятия слишком крепкими, а уход — слишком внезапным. Линь И стоял в оцепенении, чувствуя себя так, словно мимо пронёсся призрачный вихрь.

— Так о каком месте ты говорил? — переспросил он, приходя в себя.

— Конечно же о том, куда я направляюсь сейчас, — ответил Кунь.

Он смотрел на учителя с обезоруживающей честностью, и в глубине его глаз всё ещё тлели искры того необъяснимого жара. Юноша снова улыбнулся.

Линь И всё ещё ощущал на коже прикосновение его одежд. В сиянии павильона этот юноша в белом казался прекраснее любых сокровищ, а его улыбка вмиг затмила всё величие Бессмертного дворца.

Линь И приоткрыл рот, но слова застряли в горле. Он поджал губы и отвернулся.

— Впредь... не улыбайся так при других.

Кунь спросил почему, но Линь И не смог найти достойного оправдания.

— Слишком... легкомысленно, — бросил он наугад.

В Сокровищнице десяти тысяч свитков повисла тишина. Оба молчали, погружённые в свои мысли.

Гора Цанлу находилась недалеко от Пределов скорби. Линь И рассудил, что юношеский пыл Куня, вероятно, тянет его именно туда — в самое логово демонических заклинателей. Найдя повод уйти, он поспешил покинуть павильон и направился в Павильон алхимии, чтобы подготовить для ученика запас необходимых в пути пилюль.

Прошло полдня. Когда Сюаньюань Кунь, собрав вещи, пришёл в Павильон алхимии, чтобы проститься, Линь И уже взял себя в руки. Его сердце билось ровно и спокойно.

— Я собрал для тебя несколько артефактов, — сказал Линь И, передавая ученику свертки с сокровищами и флаконы с лекарствами. — Если случится непредвиденное, помни: немедленно используй Жемчужину духовной сущности.

— Учитель, я запомнил.

— Хорошо.

Линь И кивнул. Видя, что Кунь полностью готов к пути, он замолчал. Столько лет они были неразлучны, и теперь, перед лицом долгой разлуки, в душе Линь И шевельнулась тоскливая неохота отпустить его. Не желая показывать слабость, он отвернулся и сухо скомандовал:

— Иди.

— Учитель, не поминайте лихом.

Сюаньюань Кунь долго смотрел на его спину, затем почтительно поклонился. Есть слова, которые не обязательно произносить вслух, чтобы быть понятым.

Вскоре Линь И почувствовал, что ученик ушёл. Он тяжело вздохнул, выталкивая из груди застоявшийся воздух.

Линь И вышел из Павильона алхимии в одиночестве. На вершинах Линсяо догорали сумерки, внизу бушевали бесконечные волны облаков, а над головой сияло яркое, холодное небо.

Солнечные лучи упали на его плечи, но Линь И не почувствовал тепла. С уходом Сюаньюань Куня Бессмертный дворец Линсяо внезапно стал невыносимо пустым.

Он достал манускрипт с описанием «Пилюли сохранения молодости» и нахмурился.

В этом мире всегда хватало загадок. Неважно, кем был этот таинственный Ую-чжан-лаодао, — сейчас у него были дела поважнее. Линь И посмотрел на свиток и холодно улыбнулся.

Бессмертная гора Бутянь — это не проходной двор, куда можно завалиться, когда вздумается, и уйти, когда приспичит. Обмануть Тяньвай-чжэньжэнь, да ещё и прихватить с собой алхимический канон... Если об этом узнают, любая нечисть решит, что может испытать удачу.

Теперь, когда Куня не было рядом, руки Линь И были развязаны. Он уже твёрдо решил отыскать тех близнецов-оборотней, что посмели его провести, и сполна с ними рассчитаться.

Линь И с усмешкой вернулся в Сокровищницу.

В самом высоком дворце горы Бутянь мелькала лишь одинокая серебристая тень. Но спустя семь или восемь дней и она исчезла, оставив залы в полном безмолвии.

<http://bllate.org/book/17554/1714670>